

Филатова Татьяна Олеговна

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

— Лес подступает, совсем изжить нас хочет. В год по пять аршин. Ноги что ли у него есть? Вырубили его наши пращурьы, а теперь он назад возвращается, – вздохнула бабушка Агния, глядя со двора.

Я каждое лето на Купала хожу луг мерить шагами. И каждый раз по семь шагов не хватает до прошлогодней меры. Старые деревья, а луг со всех сторон ужимают. Чудеса. Говаривают, в нашем краю и не такие чудеса случались.

— Ты же говорила, он добрый?

— Добрый-то добрый, так мы же его место заняли.

— Далеко ещё, ба.

— Да где далеко-то? Вон за околицей почти стоит. Нехорошо это. Замуж тебе надо отсюда, да поскорей.

Бабушка нахмурилась и цокнула языком.

— Жених-то мой умер, – напомнила я, развешивая мокрые порты.

— Умер тебя ждатель! – всплеснула она руками.

— От проказы же, язвы по всему телу были, – встрепенулась я, – девки говорят, если б женой ему стала, и сама от них померла.

— Девки твои глупые. Я в ваши годы уже первенца от князя носила! Благодать на весь род!

— Слышала уже, – вздохнула, опять эта история.

— Слышала, да не слышала. Женщине род хранить положено, да множить, и не от абы кого. Как бы тебе пустоцветом не прослыть. В тебе же кровь княжеская, и собой в моего князя пошла, вон какая статная выросла и черноволосая в него. Имя тебе княжское дали.

— Так ты же говорила, он русский был?

— Какой русский? Чёрный, как ночь!

— Так русский же, как колосок в поле?

— Не путай меня, Радка! Иди лучше кур покорми.

Бабушка старенькая, всё забывает. То Радкой меня назовёт, то как маму Заряной, то как свою сестру Грозкой. Они все умерли, так что на эти имена откликаюсь теперь только я. Радимира, дочь Драгослава, внучка князя чужеземного. От того, что на всю вервь я одна чёрноволосая, то имя моё для чужих Ночка, «Ночка князёва дочка».

Вот уж скоро засеребрится на ночном небе Дивия в круглой повозке, а это значит, что отец уплыл тридцать дней назад. Обещал вернуться с первым снегом, до него ещё долго. Дело у него важное, всё для нашего рода, бабушка им очень горда, как всем своим родом. Говаривала, что дед её Большаком был и великим человеком. До сих пор на холме, на месте его дома, вече собирается. При нём торговать начали пушниной и кожей, за сто вёрст верхом да пешим ходил, от того, что воды боялся. Его сын Велимир лады строить начал, а дочь его – бабушка Агния, княжескую кровь в наш род принесла, а вместе с ней и ту самую благодать. Сына Драгославом назвала, драгоцен-

ным. А потом вся благость на меня пала – единственную отцову дочь. Может, ещё бы кому досталась, но мать моя в родах умерла, и детей у отца больше не было. Бабушка говорит, это от того, что мать из рода своего ушла и косу отрезала, когда с отцом стала жить. Сбежала. Сама, говорят, проплыла по Связи несколько дней от своего села в наше, пока её по лесам искали. Сильная была, а умерла. А ещё бабушка говорит, что упрямая я в неё.

Шестнадцать лет как отец один, без жены и наследника, вот и поплыл к морю в Святынь-город новую выбирать: обменяет там пушнину на золото, а золото на жену. Красивое оно, говорят и, что огонь, тёплое, за золото всё получить можно. Мы его здесь, за лесами-то, и не видали.

Весь осталась ждать моего отца-Большака с новой женой. Его младшие братья мои стрьи Борич и Рослав за него остались, но толи от того, что крови в них нет княжеской, то ли сами они такие, наши их больно-то не слушают, и всем заправляет моя бабушка Агния, а ей-то уже пятьдесят зим! Весь цвет из её волос вымылся, а был алым, кожа, что листья осенью, высохла, но огонь у неё в крови. Так что отец без страха уехал. Знал, что управится. Теперь она замуж меня хочет поскорее выдать, чтоб кровь княжеская зря не пропадала, да чтоб я в чистом месте жила. Нашла жениха в заречной веси, всем хорош, да только порченый оказался и помер. Вот и слежу я за отцовым домом да за хозяйством доколе своим не обзавелась. Хозяйство у отца большое, недаром Большак. Жена старшего стрья помогает нам, пока их дети спят.

Бабушка зашла в дом, а я взяла зерна, скорлупы толчёной и пошла куда велели. Куры за домом во дворе хаживают, а мой Рыжий их пугает, когда никто не видит. Он ещё совсем маленький, щенок отцовской Белки, оставлен мне на воспитание, а сама Белка с отцом неразлучна, вот и сейчас охраняет его за морем. Мне оттуда отец веретено привезёт, с пряслицем из розового камушка, я своё такое Снеже в ту осень на свадьбу подарила. Моё приданое готово, сохраню веретено для новой замужней жизни. Куры слышав шорох зерна в холщовом мешочке, запестрили передо мной. Пока я смотрела на них, горячая ладонь опустилась на спину.

— Что, Радка, грустная такая, по жениху тоскуешь?

Младший стрый Рослав на пять зим меня старше, а всё без жены, вот о ком бабушке бы беспокоиться. За лето бороду рыжую отрастил, да дом свой достроил почти, под боком к нашему. Они с отцом хоть и братья единоутробные, но совсем разные: отец чёрноволосый, высокий, много хмурится, от того морщины у него, да всё больше молчит, кожа светлая, как моя, а у Рослава веснушки, волосы кудрявые и рыжие, ростом поменьше отца и коренастее, гордится много и говорит всякое. Помню девочкой была, он отцу всё твердил, что жениться на мне, когда подрасту. Без толку отец то в шутку, то всерьёз грозился ему, стрый всё равно за мной ходил.

— Не тоскую, – отозвалась я, не глядя.

— Отчего же?

— Не знала я его.

— Так я ж не про то, — он ухмыльнулся, — так бывает гляну на тебя, глаза у тебя блестят, горит внутри, кровь к лицу поднимается. Помню, как на Ярилках тебя видел... — стрый уже совсем в спину дышал, надвинулся.

— Не надо, стрый.

— За меня если? Пошла бы?

— Вот отец вернётся, — уклонилась с ответом и отошла в сторонку.

— Драгослав за меня не отдаст, а дождёшься, тебя за моря вышлет, жениху чужеземному. Нужна ты будешь его молодухе.

— Я не сундук, чтобы меня по рекам сплавлять, — будет ещё он меня пугать, — а коли не нужна никому буду, так за тебя всегда успею!

— Думаешь девок мало на меня заглядывается? На Купала пешком через лес шли, да все ко мне, — ухмыльнулся стрый, — ты-то куда собралась? За кого теперь?

Можно подумать, у меня женихов с избытком, один был и того нет. Стрый сдвинул тёмно-рыжие густые брови на переносице и упёрся в меня глазами.

— Не знаю, — честно ответила я, — знаю, что есть он где-то. Меня будто зовёт, — я посмотрела на босые ноги и травинки между пальцами. Зов этот точно свирель под рёбрами каждую ночь слышу.

— Зовёт тебя не кто-то, а кровь твоя горит, Радка, думаешь, не вижу? Сама не заметишь, как наследника отцу родишь от пустовея. Все с князьями породниться хотят.

— Да что вы с этим князем, хоть бы его не было! А ты за мной с имянаречения ходишь, уже четыре зимы. Оставь, стрый!

Глаза Рослава потемнели. Сжал губы, схватил меня за запястье и рванул к себе да так, что чуть с ног не сбил, и в самое ухо прошипел:

— Иди ты к Лешему, Радка. Упрямица она, одна что ли такая на свете? Знай своё место. Я по-хорошему предлагаю. Можно же и по-плохому.

Стрый усмехнулся, я почуяла на щеке его горячее дыхание, плечо упиралось в его грудь, как в стену. Оттолкнул меня, глянул, хмыкнул и пошёл прочь. Кровь ещё стучала у меня в ушах, когда стрый вышел со двора и закрыл за собой засов. Была бы я сильнее, схватила бы бревно да бревном его. Я свистнула. Рыжий выскочил ко мне. Смотрела вслед Рослава, дыхание в груди сдавило. Трижды глубоко вдохнула, чтобы раздышаться, отряхнула понёву от зерна, почесала кудрявый затылок щенка.

— Идём побегаем. Устал во дворе сидеть?

Мы вышли за ворота. Земли-то до неба тянутся, глазом не охватить, уж найдётся в них для меня жених, не больной и не мой стрый. Вот вернётся отец из-за моря. Говорит, оно большое, море это, в него Хорс спускается, чтобы плыть по Оботному миру. Уходит с неба, оставляет свою колесницу, и на ладье пересекает океан-море, что под нами. Я не видела море. Только зелёное море молодой травы да бескрайнее лесное море, в котором утонуть можно.

Теперь вечерело. Яркие цветочки выпило знойное лето. Мой Рыжий бежал по сухой, колючей траве. С кочки на кочку. Лето подходило к концу, в лесу было пусто, ягоды отошли, а грибов мало да сразу уже гнилые. Серые столбики высохших цветов

торчали из сухой земли, предзакатный свет пронизывал все синькой, сухие травинки пели песню ветра. Жениха моего прошлой зимой похоронили на столпе на путях. Земля что камень тогда была, замёрзла. Он в ту зиму к нам приезжал с отцом, на смотрины и с приданым уговариваться, да занемог. Я тогда думала, может стрый его и убил, а не зараза вовсе.

Вот отец приедет, попрошу его отпустить меня. Сяду в ладью да поплыву в мамину весь, глядишь там жених мой. Только отпрошусь прежде, не стану косу резать, как она. Я бы здесь осталась, да женихов тут нет, а не чтоб от леса бежать, как бабушка говорит. Леса я не боюсь. Лес – вот он, рукой подать. Говорят, раньше не сажали ни жито, ни репу, не возделывали поля – лес кормил. В лесу и птицы и звери, ягоды и грибы, всего вдоволь, только поклониться нужно. Попросить хозяина пропустить в лес, со зверем вернуться и самому не погибнуть. Отец и стрый Борич за медведем тот год ходили, в его шкуре он зимой ходит. А так лисы, да зайцы, когда глухаря, редко кабана завалят. В нашем селении осмнадцать дворов, да пока никто на охоте не пропал. Бабушка Агния говорила, что в нашем лесу Хозяин добрый, помогает, не обидит зря. Ей её бабушка всё говорила: «Не бойся леса, дедко Вольный нашему роду благоволит». Уж откуда такие басни – не знаю, но лес я люблю и не боюсь вовсе.

Сейчас такая пора: до полудня лето, а после – осень. Ещё немного и к нам из небесной дали спустятся молочные туманы. Вот прохладный ветер коснулся руки, он уже знает, что зима проснулась и вздохнула из оборотного мира, куда её прогоняют по весне. Ветры на лёгких крыльях облетают землю и бывают в тех землях, где даже мой отец никогда не был. Но земля ещё тёплая, и до первых холодов далеко. Сиреневыми колючками цвёл лопух, жёлтые пятнышки пижмы то тут, то там прыгали по лугу, метёлки осоки клонились на ветру и сухостой колол мои ноги. Мёртвые и живые луговые травы смотрели вверх, в небо, высокое, вечернее и тёплое, словно спрашивали о чём-то и заворожённо в молчании, под шорох чужеземных ветров, ждали ответов.

Только в большом и тёмном вечернем лесу вскрикивали птицы и слышался глухой утробный скрип сосен. Сам же лес пересекал луг, там и здесь маленькие сосенки, словно вырвавшиеся из материнских рук дети, поднимались среди травы, норовя заглянуть за нашу околицу.

— Рыжий! – окликнула я. Щенок прошуршал в кустах на краю луга, высунулась его мордашка с насторожено торчащими ушами.

— Куда убежал? Ко мне! – как можно суровее крикнула я, но что-то другое привлекло внимание малыша, и он обернулся к лесу. Заяц?

— Куда? Ко мне, сказала!

Несколько мгновений щенок стоял неподвижно, а после встрепенулся и рванул прямо в чащу кивающего на ветру леса. Напрасно я звала, он уже исчез из виду. Побежала к нему, натываясь на сухие колкие стебли.

— Ну-ка вернись, а то получишь по ушам, – тут я заметила, как рыжая собачья спина подпрыгнул на кочке за ближними соснами и вновь скрылась в кустах красавки.

— Рыжий! – крикнула я во всё горло. Мой щенок пропал среди сплетённых кустов, и стволы деревьев, словно стеной, закрыли его от меня.

Он же сгинет там! Прошла несколько шагов вперёд и оглянулась. Я стояла на окраине леса, среди густого кустарника, который распушился, глядя в чистые небеса. Дальше лес был частый, с молодым подлеском, кругом лежали стволы поваленного молодняка, так и не дотянувшего до света. В чаще было уже темно, темнее, чем на лугу, оно и понятно – свет почти не проникал под густые кроны.

— Рыжий, – в полголоса позвала я. Здесь кричать уже не хотелось.

Мне почудилось, что из чащи в ответ кто-то гавкнул. Ладно, пройду по прямой, если не найду, то вернусь завтра и попрошу обоих стрьев пойти со мной. А пока я наметила себе прямую из сосен, насколько позволял взгляд, в конце моей воображаемой линии находилась кривая, крючковатая осина. Дойду до неё, там ещё раз крикну, если Рыжего нет, то нет. Не пропадать же здесь самой. Я глубоко вдохнула, как перед нырком в глубокую воду, и пошла.

Сделала несколько шагов, иголки и веточки предательски захрустели под моими ногами, подняла голову – с каждым шагом кроны всё больше надвигались, плотно закрывая небеса. Мои ладони вспотели, я ощутила неприятный холод, стало темно и страшно. Рыжий. Непрошенные слёзы мешали различать путь, но я не теряла из виду выбранное мной дерево. Осина понемногу приближалась. Ладно, ещё чуть-чуть и дойду, а там назад. Шла и шла, озираюсь по сторонам и шёпотом призывая Рыжего. Но сколько бы я ни продвигалась в лес, проклятое дерево так и стояло вдали. И тут я поняла, что попалась. Попалась страшно и безвозвратно. Я почувствовала это нутром, так, наверное, дикие звери чувят охотника. Я постаралась глубоко вздохнуть, вновь посмотрела на осину, которая всё так же торчала впереди. Я не приблизилась ни на шаг, становилось темнее. Сердце упало, дыхание остановилось, кожу стянули мурашки, колени задеревенели. Я точно поняла, что не одна здесь, кто-то шёл за мной по пятам, стараясь попадать в мой шаг, и это был не Рыжий. Я вспомнила всё, чему меня учили: схватиться за железо, разжечь огонь, а коли нет ничего, то попробовать договориться. В разговоре ни в коем разе имя своё не произносить, иначе власть надо мной будет безмерная. С собой ничего подходящего нет – оставалось последнее. Хотя бы увидеть моего похитителя.

Я прыжком развернулась, глазами схватила ночь – никого. Как никого? Чернота, будто я ослепла, силилась хоть что-то разглядеть, но только в вышине качались силуэты сосен, а между ними разбросаны тёмно-синие клочки неба. Но через несколько шагов эти клочки слились в один, это был прогал в лесу. Полянка на пересечении двух дорог, едва освещённая холодным и многоглазым ночным небом. Я сразу узнала её, хоть и была здесь зимой, когда хоронили моего жениха. Здесь стояли домины, без окон и дверей на высоких ножках. Теперь они казались ещё выше, потому что зимних сугробов под ними не было. В одном из этих домиков жениха и положили. Только вот как я забрела сюда, поляна же в другой стороне? Я подошла ближе. Эти дороги могут меня вывести, только бы разобраться в какую сторону идти. Постаралась приметить какой домик новее, смотрю, а у одного бревно отодвинуто и что-то там виднеется.

От ужаса я оцепенела, словно в землю вросла. Как же это? Живых же там нет. Я смотрела вперёд и тут почувяла – вот оно, вот тот, кто меня поймал. Вдруг с поляны

раздался то ли скрип, то ли смех. Страх сквозь всё тело прошёл и ударил по ногам. Бежать. Прыжком во тьму леса, жгучая боль в колене, и сама не заметила, как ноги опрометью понесли прочь, в самую глушь, не разбирая дороги, лишь бы подальше. Не зная, отпустит ли, нет, только бы не видеть этого больше. Щур, помоги. Ветки царапали лицо, я выставила руку вперёд, спасая глаза. Вдруг я перелетела через что-то большое и твёрдое, корень что ли из земли торчал, и больно вывернула лодыжку.

— Помоги выйти, – прошептала я, сидя на холодной земле, то ли прашуру, то ли лесу, то ли небу. Я доползла до ближайшей сосны, к ладоням пристала земля и вмялись иголки. Опершись на ствол, я постаралась встать, по правую сторону лодыжка болела так, что идти было страшно, так ещё и земля неровная, каждый шаг – боль. Тут подул тоненький ветер. Откуда он в чаще? Повинуясь дыханию леса, я тоже глубоко вздохнула и стало отчего-то спокойнее. Просто пошла прямо, ветки больше не били в глаза, подняла голову к небу, тут сквозь тёмные стволы забрезжил млечный свет ночной владычицы Дении, её венец поднимался от края земли, и я поняла, что лес заканчивается. Увидев впереди простор луга, не удержавшись, вскрикнула и перешла на бег. Ветки густого кустарника с шумом выпустили меня из леса, как из темницы на волю. Я вырвалась из-под тени крон и тут же упала в траву. Это был наш луг, я дома! Все ужасы ночи остались позади. Упала на траву, волосы прилипли ко лбу и щекам, рубашка на груди мокрая, все ноги исколоты, болят.

Тут я спохватилась, что не поблагодарила лес, что не замучил насмерть, а отпустил. Обернулась, а там в тени крон, стоял человек. Я вздрогнула и отползла назад, но глаз не спускала. Юноша. Тоненький такой. В рубашке и портах, как раньше носили, грубых. Светловолосый, почти мальчик. Несколько мгновений он смотрел на меня, потом сделал шаг назад в лес и исчез. Вот ужас-то. Я подождала немного, не случится ли чего неладного, затем встала на колени, поднялась, опираясь на здоровую ногу и, как могла, засемила домой. У самого тына на голой земле сидел стрый Рослав и глядел на луг. Я, сдерживая боль, зашагала ровно, расспросами замучает. Завидев меня, он поднялся.

— Ночка, никак ты?

— Я, – запыхавшись отозвалась, а сама думаю, что он опять учудит чего. Я же дома не ночевала, вон и по имени не зовёт.

— Я тут топор чиню, помоги, поддержи-ка его, а я пока топорище прилажу.

— Чего это ты ночью в темноте топор чинить удумал?

— Держи, сказал, – сквозь зубы процедил стрый и сунул мне топор в руки. Я сжала пальцы, железо холодило и без того озябшие пальцы. И тут я поняла.

— Совсем сдурел? Я это!

Стрый посмотрел на топор, потом схватил меня в охапку и двумя руками прижал к себе, да так крепко. Борода защекотала затылок, я ощутила, что остатки моего страха рассеиваются, как туман по утру.

— Своя, – прошептал он, – где тебя носило?

— А кто меня к Лешему послал?

Стрый отпустил меня и замолк. Смерил взглядом:

- Он ведь девок ворует. А потом брюхатит.
- Он же страшный.
- Так он любой облик принять может. Хоть князем прикинется.
- Перестань. Я невредима. Пойдем домой, бабушка, наверное, волнуется.
- Она спит, не знает, что ты ушла. Я тебя искал повсюду, а когда понял, что в веси тебя нет, у тына сел ждать.
- Да, с топором-то, – я кивнула на его добро.
- Не знаю, кто вместо тебя ночью из леса вернётся. Зачем тебя туда понесло?
- Рыжий пропал, в лес угодил, я его искала и заблудилась.
- Велика пропажа, найдётся, – прошипел стрый и повёл меня домой.

- Бабушка, а куда уходят души животных?
- К их прародителям на седьмое небо.
- А где оно?
- Оно там, куда осенью улетают птицы, откуда берут воду дожди.
- Выше света дневного?
- Выше.

Утро теплилось на краю неба. Я полночи не спала, а вскочила с зарёй. Сон не шёл, я всё думала, как там мой Рыжий. Попал ли он на ту полянку, и кто меня из леса вывел? Ба не спала, она всегда вставала с первыми петухами, доила корову, топила печь. Только она спустилась из горней и хотела топить печь, села на скамью, я подошла и опустилась рядом с ней на пол.

- Ты чего, доченька?
 - Бабушка, ты всех в округе знаешь?
 - Всех.
 - Кто здешний есть со светлыми волосами? Парень молодой.
 - Где ты такого углядела?
 - В лесу.
 - Где? – бабушка схватила меня за подбородок.
 - В лесу. С Рыжим гуляла на лугу, а он в лес забежал. Я его так и не нашла. Хотела стрья Рослава сегодня просить поискать со мной.
 - Когда это было?
 - Того дня.
 - Когда ж ты успела?
 - Ба, Рыжий пропал.
 - Пёс с ним, с этим Рыжим! Кого ты там видела?
- Я замялась.
- Юноша, почти мальчик. Рубаха на нём грубая, бедная. Худенький такой.
 - А лицо?
 - Лица я не видела.
 - Что он тебе сделал?

— Да ничего дурного, из леса вывел. Ты знаешь его?

Я сегодня всю ночь силилась вспомнить хоть что-то, чтоб разъяснить себе произошедшее. Но не смогла. Бабушка подняла взгляд в темноту потолка.

— Как не знать. Только он не здешний вовсе. Тебе, значит, тоже помог.

У меня по спине мурашки пробежали. Боясь напугать бабушку расспросами, я мочала, ждала, когда она начнёт рассказ.

— Бабка моя его видела. Я тогда только понёву поверх рубашки носить стала. Корова у неё как-то от стада отбилась да в лес и забрела. Бабушка её семь дней искала. Одна в лес ходила: утром выйдет, к вечеру возвращается и так каждый день. Вот на седьмой день совсем отчаялась найти пропажу. Я предложила её сменить, хоть бабушка у меня ох и пряткая была, росточку маленького, лицо с кулачок, а ловкая, юркая была, да ноги у неё болели. Говорит: «Пошли, Агния, только со мной да от меня не отходи». И то верно, всякое в лесу случается. Идём мы, идём. Там ручеек тёк, бабушка говорит: «Это ключ гремачий, коли до него добрались, давай омоемся». Вода-то холодная, я замерзнуть испугалась, не пошла. Тогда бабушка сама пояс развязала, одёжу сняла, говорит мне следить за платьем. А я не углядела: мешочек у неё был с собой, из-за пояса выпал, я думала, вот бабушка омоется, я его подниму и ей отдам. Да пока её ждала забыла, память-то девичья. Когда дальше пошли, тут чудеса и начались. Слышу, будто колокольчик звенит. А у нашей коровы тогда звоночек на шее был, его дед откуда-то привёз да бабке подарил, а она корове-кормилице повесила. Мы обрадовались, думали, ну всё, нашли пропажу! А из-за сосен парень выходит. Точь-в-точь, как ты описала: беленький, тоненький такой и в одежде небелёной. Молчит. Я только рот открыла, чтоб спросить, кто таков, а бабушка моя как вскрикнет голосом не человеческим, а птичьим да на весь лес. Я испугалась, обхватила её, она в слёзы и к парню этому. Парень смолчал и исчез, зато корова наша появилась живая и невредимая. Бабушка так и упала на месте, я всё вокруг обежала, думала, куда парень делся, но не было его, как сквозь землю провалился. Всю обратную дорогу мы с ней молчали. У дома не выдержала, спрашиваю: «Кто это такой был?» Она отвечает, а у самой слёзы катятся: «Брат это мой». А брат-то у неё умер ещё мальчишкой. Все у неё тогда умерли, в грозу всю весь смыло. Потом когда бабушка мешочка своего кинулась, я узнала, что оберег это был, и увидели мы с ней парня потому, что оберег потеряли. Вот так, выходит не брат это её был, а злой дух. Она потом всё плакала, плакала, в лес ходила, думала увидеть его, да не пришлось больше, так от горя и умерла. Я тогда думала, что уж брат-то её давно умер, она сама уж старухой была, пора бы и забыть. А не забыла. Вот как любила она его. Вон сундук бабкин стоит, — она кивнула в угол, — так это он делал. До сих пор не разохся.

У меня от страха в животе заледенело. Так это он был? Сколько лет-то прошло, а всё мальчишка?

— Так-то, Радка. Не ходила бы ты в лес, коли он тебя приметил. Я тебе плакун-травы дам, всегда с собой носи. Мало ли. Давно не видели мы его. Он может и не злой, да пусть уж лучше не кажется больше.

Наступил новый день, озолотил землю, вновь от света и росы вздохнули луговые цветы, раскрылись лепестки, пронизанные ночным холодом. Взлетели стрекозы на лёгких крыльях, тонкие ветви рябины стряхнули ночную влагу и устремились к небу, защебетали птицы, птенчики этого лета на хрупких крыльях взлетели над молодыми берёзками, замерцала листва, обдуваемая ветром. Всё проснулось в лучах нового дня. Те видения смерти прошлой ночью в лесу, сковавшие леденящим страхом душу, отпустили меня, растаяли, как тает снег по весне. Днём боги смотрят на нас, днём ничего дурного не приключится.

Я смотрела с крыльца на лес, кивавший мне из-за луга. Не просто так я оказалась там, и зачем-то спас меня тот юноша, которого не видели вот уж больше тридцати зим. Я взяла плакун-траву, наелась кутьи вдосталь, и хотела было идти. Тут у околицы встретился мне младший стрый.

— Куда опять пошла, Радка? Корову доила?

— Доила, – фыркнула я и прибавила шаг, чтоб не приставал.

— А ну-ка стой! – стрый подбежал ко мне, схватил за запястье. На его лице блестели капельки пота и темнели веснушки, за лето ставшие огромными.

— Нечего тебе в лесу делать! Мать сказала, ты вчера там чужого встретила!

— Сам-то ты откуда идёшь?

Стрый опешил. Я заметила в его руках пустой мешок.

— Куда, спрашиваю, ходил? – я рванула мешок из его рук. Открыла, смотрю, а там перья куриные.

— Это что?

— Курица была, – тихо ответил он и сжал губы за густой бородой.

— Наша курица? – возмутилась я, – и куда ты её отнёс?

— Куда надо, туда и отнёс! Ты мала ещё.

— Замуж меня звать – я не мала, а тут мала стала?

Рослав посмотрел на меня серьёзно, как будто раздумывал, говорить или нет, помедлил и ответил:

— В лес. Хозяину отнёс. Вольному.

Я оторопела, Лешему то бишь? Жертву?

— Зачем?

— Чтоб он тебя больше не трогал. Невеста ты мне или нет, а я перед отцом твоим Драгославом отвечаю, ты моя кровь.

Мне внезапно стало страшно. Стрый и сам был испуган, чего с ним почти не случается. Да так, что за меня жертву лесу носил. Прижалась носом в плечо, сама не знаю отчего. От него пахло мужиком: теплом, силой и солью. Рослав положил подбородок на мою макушку, когда дыхание моё успокоилось, я прошептала:

— Страшно?

— Ты не трогай, и он не тронет. Раньше наши их боялись да боролись за жизнь и за землю. Разве с ними совладаешь, вот и убегали на другие веси. Их гневить нельзя, а поклоняться вот и дадут, что попросишь.

— Как его найти? – выпалила я.

Рыжий там в лесу, да дело даже не в нём... Стрый подхватил меня за спину и поволок в сторону дома.

— Поставь меня на землю! – пнула его, но стрый, что железо.

Когда дошли до первого дома, я умолкла, стыдно было селян воплями пугать. Большакова дочь, а орёт, что ребёнок.

— Отсюда сама пойдёшь? – спросил стрый.

— Сама.

— То-то же. И не вздумай, чего выдумать. Сбежать без моего ведома удумаешь, я с тобой и на задок ходить буду, и ночевать приду. Глаз не спущу. Смотри, Радка, сама себя накажешь. Поняла?

Он смотрел на меня так, будто бы я уже была его. Брови нависли над глазами и морщина пролегла на переносице. Надвинулся, схватил за локоть, прижал к себе, его тело будто стало ещё шире, загораживая дорогу, запирая меня, не давая вырваться. Я сжалась и молчала, сдавив кулаки так, что ногти впились в ладони, он толкнул меня за тын, на дворе бабушка Агния кормила кур и обернулась на звук наших шагов.

— Сынок, откуда это вы идёте? Курицу нашу не видали? Не досчиталась одной.

Стрый грозно на меня глянул и помотал головой. Я подняла плечи и нахмурилась.

— Нет? – переспросила ба, – опять куницы проклятые утащили! Разве от них спасёшься, когда считай, что уж в самом лесу живём!

Стрый окинул меня взглядом, прошипел: «Прибери на дворе, мать замаялась» и ушёл. Я вздохнула. Если отец не вернётся через месяц, Рослав таки сделает меня своей. От этой мысли по телу резко пронеслась дрожь и невольно дёрнулись плечи. Пока убиралась в клетки, пришло время корову встречать. Я вновь пошла к околице, иду и оглядываюсь, как бы стрыя не встретить. Пораньше вышла, чтобы на лес хоть издали посмотреть. У крайнего дома Снежа стоит, за братом вышла, мал, но уже пастушок наш. Дан младший сын моей кормилицы, так что можно сказать что и мой брат, как и Снежа.

— Радка! – позвала она, – а я вот Данюшу жду. Совсем большой стал, сам за стадом ходит.

— Большой, – вторила ей я. Мне не хотелось её видеть и говорить с ней. Когда Снежана в девках ходила, мы с ней всегда вместе, покуда отец мне позволял. Купаться, нянчить соломенных куколок, на жениха на Купала да на Коляду гадать, приданое по зиме готовить. Теперь сбилось у неё всё. Мои гадания тоже сбывлись – я одна.

— Какая ты бледная, болеешь? – она поправила понёву на животе и загородила его рукой.

— Нет, не болею. Устала.

— А, устала, говоришь. Эту усталость я знаю, – улыбнулась она.

Уж неужели все знали, как я в лесу заблудилась.

— Знаешь? – настороженно переспросила я.

— Рослав Богоярыч же при тебе теперь живёт. Они друзья с моим Радимом, так он мне всё рассказал. Повезло тебе, Радка! Помнишь, гадания наши, а помогли тебе боги, скоро и ты понесёшь!

Меня как плетью по лицу ударили. Дыхание остановилось, глаза защипало от ярости. Снежа сначала улыбалась, потом отпрянула, хотела сказать что-то, да только рот беззвучно открыла. Я впиалась ногтями в мякоть ладоней, не давая себе измениться в лице. Хотела броситься защищаться от напраслины, да без толку. Все здесь друзья стрью, не будешь же к каждому с объяснениями подходить. Беззвучно перевела взгляд в сторону дома: пойти рассказать всё бабушке? Не поймёт. Скажет – пора бы, дылда такая выросла, не в коня корм, хоть бы и за Рослава пошла, что с того? Знаю всё наперёд, а отца нет, чтоб защитить меня. Я подняла глаза, там в высоте над лесом в потоках ветра кружил коршун. На огромной высоте, крылья раскинуты, и словно невидимая сила держала его в небе, а внизу под ним в ужасе прятались по норкам невидимые мною полевые мышки. «Знай своё место, Рада». Неожиданно оттолкнулась одной ногой, затем другой, оттолкнулась вновь и вновь, и вот я уже мчалась посреди луга в лес, который, словно встречал меня, расставив руки. Всё равно куда, лишь бы подальше от стрья, от радости в глазах Снежаны, от пересудов мужиков, от моей судьбы и княжеской крови. Сухостой шуршал, втыкаясь в мою юбку и хрустел под ногами, юркие тени птиц летели передо мной и над головой залиvisto кричал коршун. Я вторглась в лес с шумом, треском ветвей и криком, который ободрал горло. Когда отдышалась, пошла вперёд огромными шагами, шла не разбирая дороги. Подоткнула подол понёвы за пояс, чтоб не мешала. Коли лес вывел меня обратно, то нужна я ему, а коли нужна – не погубит. В конце концов это лучше, чем понуря голову идти домой. Полдень подсушил опавшую хвою, и она издавала терпкий аромат, я глубоко вдохнула и выдохнула, жгучая злоба отступала. Что, наконец, может стрый? Хвастался мной. Это до первого слова отца. А он скоро вернётся.

Я подняла голову, сосны окружили меня плотным кольцом, за ними не видно ни дома, ни селения. Лес, словно чужой дом, впустил меня, и отчего-то хозяин сегодня приветлив. Бабочка качалась на синем цветке колокольчика, пробившегося сквозь ковер из золотистой хвои, защебетала птичка, прошуршала куница на ветке, лес казался светлым и не опасным. Я почувствовала себя маленькой гостьей, у которой общая тайна с хозяином дома. Трудно вспомнить, когда я была в лесу одна, как сейчас. С девками всё по ягоды, да грибы, а одиночкой идёшь, без песен да смеха, лес будто на тебя смотрит. Но мне всегда лес в самое сердце заглядывал. Помню, в зиму много болели, а я сижу у печи, не выпускают даже ко двору, вышиваю рубаху будущему жениху или у кросна стою и в просветцы то и дело на лес смотрю. Он зимой такой просторный кажется. И как будто пустой, зимой говорят только навьи и шиликуны лютуют. Теперь же в свитых тенях, шорохах и шелесте листьев чувствовался кто-то, кто наполнял каждую травинку жизнью, расправлял тонкие лепестки цветов, растил робко пробивающийся сквозь хвою молодняк, смотрел из ветвей за лисьими тропами. Лесной хозяин, дедко Вольный, Леший. Говорят, он повсюду, в каждом дереве, стебельке, веточке и травинке, в глазах птиц и лапах животных. Но есть место в лесу, к которому он привя-

зан невидимыми нитями, всё равно что сердце его, сердце леса. Стрый ему курицу за меня отнёс, стрый знает, куда идти. Бабушка мне в детстве говорила: «Куда ветер дует, туда и хозяин идёт, только так его узнать можно».

*Ели тёмные, ели тихие,
Что замолкли вы над опушкою,
Над опушкою, да по наши души.
Что замолкли аль пред бурей?
Во тени лесов, во тени листов
Царь немой живёт, немой да безликий...*

Не заметила, как вышла бабушкиной дорогой до ключа гремячьего, умылась, взяла левее, и после постепенно земля начала вздыбливаться. Я послушно влезала на кочки, хотя идти становилось всё тяжелее. Потом появились первые камни. Сначала мелкие, торчащие тут и там из боков кочек, но после они пропали, вместо них из земли вышли каменные валуны. Я обомлела. Земля всё вздыбливала вверх, к самому небу, а по ней разбросаны искривленные скалы, покрытие наростами, что хребет огромного зверя. Валуны, словно невиданные животные и люди, как я, взбирались вверх по огромному холму и замерли в разных позах. Каменные истуканы были серые с чёрными трещинами, покрытыми мхом с северной части, а между ними торчали сосны. Тени от них изломами падали на каменные тела. Но по мере того, как я поднималась вверх, сосны смешались с берёзами, ранетками, шиповником, вишней, кизильником, бересклетом... и даже другими, невиданными мною, деревьями и кустарниками. Задыхаясь от подъёма, я всё шла и глазам не верила, откуда здесь столько всего? К вершине в валунах появились впадины и даже пещерки, зияющие, как открытие рты. Впадинки засыпало землей и хвоей, сквозь которую кое-где зеленела трава. Появились цветы и папоротники, устилающие землю, тут летали разноцветные бабочки, стрекотали кузнечики, жужжали пчёлы. Я была мокрая с головы до ног, но поднималась всё выше, хоть перед глазами мелькали тёмные круги и сердце стучало в ушах. Место было странное, будто ненастоящее. Со мной до вчерашней ночи никогда ничего такого не происходило.

Когда я взобралась на вершину, Хорс на колеснице уже спустился за неё и теперь алел над краем земли. А земля, словно раскрытая ладонь, раскинулась вниз, от края до края. В синей дали качались бесконечные леса, тонкая лента Связи искрилась на закате, рядом с ней маленький остов луга, а там и дом, невидимый отсюда. По другую сторону поля и селение матери, отсюда оно казалось ближе к нашему, чем на самом деле. Сколько же леса! Я присела на камень и оглянулась. Тут валуны были розово-серые с бордовыми вкраплениями, торчащими вверх острыми пальцами, а над ними была тень. Тень от огромного дуба. Его окружали сосны и подлесок из кустов, словно свита князя. Я так устала, что не сразу смогла подняться, чтобы поклониться ему. Робко подошла поближе, корни, словно тело огромного змея, поднимались из-под земли, кора была покрыта трещинами величиной в три пальца и след от удара молнии делил его надвое. Подняла глаза: на огромных ветвях качались на ветру не только желуди, но и берёзовые, карагачевые, кленовые серёжки, шишки и бобовые трубочки.

Крона была так высоко, что голова кружилась. Сам дуб занимал почти всю пологую вершину. Я хотела обойти его, но тут наступила на что-то мягкое. Опустила глаза, увидела обезглавленную курицу и отпрыгнула. Стрый Рослав был сегодня здесь. А теперь и я тут. Села на толстый корень, ноги ныли, я потеряла их ладонями, капельки пота стекали по шее на грудь, рубашка промокла, стало зябко. Подул ветер, вздохнул лес, я оглянулась по сторонам. Темнело, надо было возвращаться домой, но усталость, словно большой зверь, придавила меня к земле, глаза закрывались, я только опустила голову и тут же всё исчезло.

Я вздрогнула от холода и вскочила на ноги. Ужас охватил меня – была уже ночь. Ночь в лесу, на вершине мира, под огромным дубом. Словно на дне реки, ничего не видно, куда идти? Я побежала вниз по памяти, но тут услышала шелест, и это был не ветер в кроне, это были шаги. Обернулась навстречу звукам, кто-то, будто, затаился в деревьях над моей головой. Протянула руку вверх осторожно, словно боясь спугнуть дикого зверя. Мои пальцы поймали свет рогатого месяца, пробирающегося сквозь кроны. Вскрикнула ночная птица, взвыл ветер, облетая чащу, росинки дрогнули на кусте волчьих ягод. Темнота пошевелилась. Лесная мгла, будто, распахнула руки и выпустила его вперёд. Тонкие ветви сплелись над головой, его очертания терялись среди дрожащих теней, но глаза были различимы сквозь ночную тьму и смотрели прямо на меня. Огромные. Ноги дрогнули, я послушно опустилась на холодную землю, не ведая, сон это или явь. Я силилась разглядеть его лицо, но видела только взгляд, нечеловеческий, пустой, в нём было что-то земное, но и совершенно нездешнее. Он открыл рот, но я услышала только утробный оглушающий скрип, который больно резанул по ушам и, казалось, поднялся в небо, под самые облака. Я взвизгнула, сжалась, закрыла уши ладонями.

— Отпусти меня, – мой голос словно обломился.

— Дитя, – прошелестел лес в ответ.

Я вскинула голову. Его тело, словно выпутываясь из сетей, начало приближаться ко мне сверху и обретать очертания. Я невольно отползала назад, не отрывая взгляда.

— Отпусти, я уйду, – одними губами произнесла я.

— Провожу, – утробным эхом отозвался лес.

— Щенок убежал в лес.

— Откуда ты здесь?

— Я своя, Большакова дочь.

— Не для человека ночь.

Поднялся ветер, тени заскользили по земле, белый свет месяца запрыгал по ветвям. Листья взметнулись вверх, пушинки, влекомые ветром, поднялись из травы и искрились в свете ночи, кроны распахнулись, открывая небеса. Хозяин прыжком оторвался от стволов, опустился на землю и встал напротив меня. Он обрёл человеческое тело, столп света упал на него, и я увидела силуэт высокого мужчины, напомнившего мне отца. Он загоразживал холодный свет ночи, невозможно было разглядеть лица, только венец из чёрных сплетённых ветвей вился над головой. Он смотрел прямо на меня. Вся его фигура была напряжена, как пред прыжком, кулаки сжаты.

— Кто ты? – в ужасе прошептала я.

— А к кому ты пришла? – ответил он человеческим голосом.

— Не к тебе! – вскрикнула я, отталкивая опасность, – к пращурю своему. К тому, кто меня из леса вывел.

Щур, защити. Щур, шур меня защити. Шептала я одними губами. В глазах поплыло, тело трясло от пронзительного холода ночи, будто само дыхание ночи было дыханием Морены. Острые ветки короны склонились надо мной. Я вцепилась взглядом в его лицо, силясь разобрать что-то кроме прогалов глаз.

— Я вывел.

— Нет! Не ты. Юноша. У него и лицо другое.

Деревья вскинули ветки, захваченные ветром. Ночь вздохнула скрипом тысячи голосов под холодной далью неба.

— У меня нет лица.

Тут он приблизился, и я увидела на нём своё лицо в короне, но глаза были не мои, разные. Царь смотрел на меня своими глазами не моргая, нездешним потусторонним взглядом.

— Зачем ты пришла?

— А Отец уехал, мать умерла, жених умер. Я хотела того юношу спросить. Но теперь и его нет.

— Он есть.

— Это же был ты? А он тоже давно умер.

— Ничего не уходит.

— Значит он здесь?

— Все здесь.

Я вскочила на ноги. Здесь? В этом лесу? Или у него в плену? Царь шагнул назад во тьму по крону дуба. Я протянула руку, и она исчезла по локоть. Дернула её назад, и на мгновение мне показалась, что я вижу вместо плоти собственные кости. Вдруг стало светлее. На горизонте появился красный рубец, над макушками замершего леса. Облака прорвались и колесница Дивии в малиновом облачении поднялась и грозно пронзила тяжёлые тучи. Шёпот листвы, шорох крыльев летучих мышей и далекое раскатистое уханье филина словно отпрянули в глубь ночи.

— Царь, не уходи!

Молчание.

— Вольный! Леший! Я не всё спросила!

Чёрный туман вновь потянулся в мою сторону, тьма беззвучно обрушилась на меня, выталкивая вон. Тут я схватила в кулаки землю и сжала изо всех сил. Под ногти впились острые мёртвые травинки, я вскрикнула и поняла, что лежу на лугу у границы леса, и восход озарён млечным сиянием наступающей зари. Одежда мокрая насквозь, меня трясёт от холода и Рыжий с залиvistым лаем несётся к дому.

Я очнулась под вечер третьего дня. Стрый скинул с меня тулуп оставив в одной нижней рубашке, приподнял, придерживая голову. Его руки были горячими, я почувствовала терпкий запах пота. Дома было тихо и темно. Вздохнул надо мной, погла-

дил мои распущенные волосы. Коснулся плеч, локтей и бёдер. Пахло горячим молоком и травами. Большими масляными ладонями взял голые лодыжки и принялся растирать ступни, разведя мои ноги в стороны. В ухо ткнулся Рыжий мокрым носом. Я открыла глаза. Смотрела в потолок и часто моргала в такт движениям стрья, чтобы очистить глаза от пелены.

— Зачем ты делаешь это? – в горле что-то булькало, мешая говорить.

Стрый подскочил и навис надо мной. Потом подхватил моё обессиленное тело и прижал к груди.

— Рада. Очнулась.

Я хотела спросить, где бабушка, но только утробно и страшно раскашлялась в ответ.

— Тише, тише. Ты болеешь, – стрый опустил меня, – тебе нужно попить.

— Ба...ба..., – прокашляла я.

— Она с Милой наверху в горней. Занемогла.

Я опустила правую ногу с лавки на пол, силясь встать.

— Тебе нельзя вставать.

Махнув на него рукой, посмотрела на всход, неужели не понимаю? Мне надо к бабушке.

— Рада, лежи, болеешь, сказал лежи, значит, лежи!

Я неловко наклонилась с лавки вслед за ногой.

— Лежи! – он схватил меня за плечи и уложил на лавку, стукнув затылком, – тоже помереть хочешь?

— Что? – хрип сквозь кашель. Я вцепилась в его рубашку, коленкой пнув под рёбра.

— Драгослав умер.

Ветер высушил колоски, дождь упал в землю и исчез, прорастив траву, крыло пёстрой бабочки поднялось вместе с пылью и кружились за спиной лошади, скачущей через луг. Цветы бережно закрывали бутоны, прячась от холодной ночи, тучи набежали и исчезали за горизонтом, застилая и возвращая свет. Семена отрывались от стеблей и неслись в другие земли. Жёлтая пижма разрасталась среди сухих чёрных погремков, день занимался на одном краю земли и затухал на другом. Утки собирались в клин и кружили над рекой, листья утеряли свежесть, поплыли туманы. Всё было как и раньше, из года в год и до сих пор. И здесь до сих пор была я. Стук моего сердца наполнял тело теплом, а дыхание – жизнью. Жизнью, которая окружала повсюду, рождаясь и увядая на этом лугу, в поле и в селении за рекой. Когда приходили зарницы, и красными всполохами врывались в синюю небоскат, мы собирали урожай. Отец выходил в поле и гладил в ладонях твердые тяжёлые колосья жита, а я всегда была с ним, пугливо вжималась носом в его живот, завидев мальчишек или его младших братьев. Он клал большую теплую ладонь мне на затылок, и я знала, что никто не посмеет меня тронуть, пока он есть. Он защищал всех нас от голода зимы, напастей болезней и разграблений соседей. А теперь лес идёт на нас, и никто не решился даже выру-

бить молодняк, разросшийся за лето. Без него нас не станет. У отца не было сына, старший стрый Борич не сможет быть нам Большаком, он охотник, а вот Рослав... С завтра ночь начнёт наступать на день, вот закончат с урожаем и до первого снега нарядят меня в красное платье, накроют платком, составят столы в доме отца, застелют его постель, я буду кричать во всё горло, и никто меня не услышит.

Теперь никто не говорит со мной, будто я покойница. Женщины только робко улыбаются, проходя мимо или возвращая моё стираное бельё. Мила Борича, расчёсывая меня, однажды спросила, когда у меня была кровь, я не ответила. Спускалась с крыльца и слышала, как Рослав во дворе договаривался с нашим соседом забить барана. Я не видела их за углом дома, но длинные тени текли ко мне по красному ковру листьев, словно кровь молодой овцы.

Холодает, колесо на серёдку поворачивается, похороны мух близятся, да в этот раз невесёлые. А в тот год мы со Снежею клали мух в гробики из репы, да загадывали, что передадут эти мухи наши весточки на другую сторону моей маме. Песни погребальные пели, как настоящим: «Мушка, подогни ножки, перестань летать, пора ложиться умирать», да всё смеялись, чтоб смерть прогнать. В этот раз перед зимой навий поминать некому, всё отец делал да бабушка. Да что теперь прогонять?

Дворы замерли, ожидая нового хозяина после отца, новой судьбы. Хоть бы всё сгорело! Всё. Как в его погребальном костре. Приземистый дом старшего стрья, разбитая дорога, за ней резной дом Снежи, ветвистая берёза перед тыном, непокрытый дом Рослава, наш высокий дом, корова Зорька, Рыжий, бабушка Агния в беспамятстве. Без защиты отца всё опустело, как зимний лес. Лес поглотит нас. Хоть бы.

— Леший – крикнула я через луг и захлебнулась кашлем, – приходи и забери.

Крупная капля дождя упала мне на затылок. С севера шла непогода. Я смотрела на поникший лес, ещё немного и он покроется ржавчиной, бури будут драть с него листья, затопят нескончаемым дождём, а Хозяин будет выть в чаще ветром, потом проваливаться под землю до равенства.

— Дедко Вольный, Вой – прошептала я, – пересеки луг, подними землю корнями, обратись медведем и разорви нас.

Но лес за лугом молчал. Лес застилал ползучий туман, покрывал сном, призывал тишиной. Тогда забери хоть меня. Я выдернула венчик из волос вместе с запутавшейся прядью, не хочу в девках ходить, не хочу быть ничьей женой. Трава была сырой и пахла водой, она скользила под ногами, так что я два раза упала и перепачкалась раскисшей землей, бежала сквозь луг и повторяла: «Леший, Леший, Леший, Вой, Вой, Вой». Когда я забежала за первые деревья, он уже был там. Кусты волчих ягод, наполненные водой, были его руками, трещины в стволе старой сосны – глазами, а скрип старой осины – голосом.

— Вой, помоги, – начала я, – он умер, мы пропали, приходи и властвуй, царь. Некому защитить нас, приходи, – голос ломался о комок в горле, – некому защитить меня. Я Радимира, дочь Драгослава, внучка князя чужеземного, во мне его кровь.

— Моя кровь.

Я схватила холодный воздух, жгучий кашель разразился в груди, забулькал в горле. Вздох удивления застрял в глубине живота. Лес молчал, грудь горела, я ухватилась за ствол сосны, тонкие пласты коры впились под ногти и осыпались на землю. Кроны кружились в моих глазах. Слёзы выступили на глазах, я продышалась и, пытаюсь отыскать глазами его силуэт, сказала тёмному лесу:

— Я одна, никого нет.

Деревья вздохнули ветром, тени расплзались со всех сторон, тонкий лучик света скользнул по ветвям и исчез в траве.

— Нет, жизнь – колесо.

— Отца нет, а мать я даже не помню.

— Помнишь – на тебе её глаза. Поищи и найдёшь.

Рёбра сжала боль, будто острые ножи вонзили под кожу. Я обхватила тело руками, стараясь сжать покрепче, а то оно сейчас лопнет.

– Я хотела сесть в лодку и уплыть в её селение, в детстве мне казалось, что она где-то там за лесом. А теперь и отца нет. Ты сказал ничего не уходит, помоги мне увидеть их.

— Увидеть их?

— Да, но этому не быть.

— Тебе придётся плыть.

— Пусть, смогу, – без голоса ответила, голова закружилась от жара, я упала, ветки растянулись над моей головой. Между шишек и иголок задрожали красные ягоды красавки из его короны, сквозь туман проступил силуэт.

— Отнесу.

Я закрыла глаза и оказалось в темноте. То ли светило зашло, то ли ладья, в которой я лежала, закрыта сверху. Ни окна, ни двери. Я откуда-то знала, что сейчас мне нужно плыть, нужно пересечь море, чтобы добраться до берега, где меня ждут. Я хотела пошевелиться, найти весла, но кто-то уже толкал мою лодку, кто-то летел над ней сверху, шепча что-то неразборчиво. Кто здесь – хотела спросить я, но уже знала, что это Царь провожает меня, и река, словно ствол дерева, возносится вверх, и птицы летят над ней, покидая землю до весны. И надо мной раздаётся протяжная песня Снежаны.